

Глава 5. Одиночество. Последняя встреча

(Август. 2007 год. Уильям)

Мне грустно. Грустно, потому что Дороти умерла. Я наблюдаю вместе со своей сестрой, как гроб опускается в глубины земли на веки вечные.

Я представляю себе неподвижное тело моей матери рядом с ее неразлучной пишущей машинкой, крепко зажатой в ее холодных руках. Ее светлые волосы, всегда собранные в плохо уложенный пучок, теперь выглядят прямыми и распущенными навечно.

Хотя на протяжении всей моей жизни было немало случаев, когда я мог пристально смотреть в ее глубокие и всегда грустные голубые глаза. У меня комок стоял в горле при мысли о том, что эти глаза останутся закрытыми навсегда. И что возможность увидеть ее снова, хотя бы еще один раз... просто утопия.

У меня даже не было воспоминаний об этой женщине. Незнакомка. Мама. И я мог вспомнить только два случая, когда мои губы произносили каждую из букв, составляющих слово: МАМА.

Я не мог плакать. Я посмотрел на Лию. О чем она могла думать? Она была так похожа на маму... Почти как две капли воды; хотя Лиа давно решила подстричь свои длинные светлые волосы и покрасить их в темный цвет. Может быть затем, чтобы не походить на маму. Я никогда не спрашивал её об этом.

Лиа спросила меня, как я думаю, о чём бы мама пожалела.... я сказал ей, что только о том, что у неё не было души. Мой резкий ответ, казалось, заставил Лию вздрогнуть, я увидел, как она напряглась, ошетибилась. Если бы Лиа узнала, что мама фотографировала нас в детстве из окна своей студии, у нее, возможно, смягчилось бы сердце.

Я, конечно, не пойму... я тоже не понимаю, почему она не заботилась о нас. Почему она никогда не говорила нам, что любит нас... «потому что, может быть, она нас не любила»; почему она никогда не помогала нам с домашними заданиями, почему она никогда не читала нам сказку перед сном, почему она никогда не играла с нами... Почему?

Вечно запертая в четырех стенах своей студии, с потерянным взглядом на своей пишущей машинке, на своих мрачных историях... всегда с собой. Должно быть, это было утомительно. И грустно, очень грустно.

Единственный раз, когда я плакал по ней, это когда я увидел множество фотографий, которые она сделала для нас и которые она заботливо повесила на пробку у окна. Почему вместо того, чтобы наблюдать и фотографировать нас на расстоянии, она не пошла играть вместе с нами?

Я видел по этим фотографиям, что, возможно, она, действительно, любила нас. Больше, чем свою собственную жизнь. Считать это своим долгом сказать Лие?

Конечно, я бы никогда не попал в студию. Это было святилище Дороти, ее священный храм, в который никто не мог войти. Только её издатель, которого она специально заставляла приходить домой, чтобы ей не приходилось выходить на улицу. Я никогда не видел, чтобы она выходила из дома, и в те моменты я думал, что помимо ее поведения, могло быть что-то еще. Болезнь, тайна... что-то, из-за чего мама жила необычной, странной жизнью. Вот почему папа, рокер, тоже исчез из нашей жизни в одночасье. Мы так привыкли к его отсутствию, что нас это нисколько не волновало.

—Кстати... я знаю, что сейчас не то место и не то время.... Но у меня есть подруга, которая хотела бы с тобой познакомиться. Она также юрист и говорит, что ты чертовски красив,
—сказала мне Лиа с нервным смешком, прерывая мои мысли.

Я посмотрел на нее сбоку, всячески избегая смеяться над ее словами и перед внимательным неодобрительным взглядом священника, отслужившего уединенную мессу за вечный покой души мамы. Мне было нелегко не рассмеяться... на самом деле я давно ни над чем не смеялся.

—Лиа... - Не начинай, —пробормотала я.

—Пойдем выпьем кофе? —предложила она, как будто вместо того, чтобы быть на похоронах своей матери, она ходила по магазинам в торговом центре.

Мы пошли пить кофе. Небо над Нью-Йорком было серым и темным, наверняка через несколько часов разразится хорошая летняя гроза. Точно так же, как Лиа всегда была в восторге от заката, то же самое происходило и со мной во время летних гроз ... они навевали воспоминания о милых прошлых временах.

Летом мы с Лией всегда купались. Всегда играли в бассейне под присмотром Эми Кляйнгельд. Я до сих пор помню её лицо, всегда серьезное... Что стало с этой женщиной? Она перестала работать у нас дома, когда мне было тринадцать. Может быть, она умерла, когда я был ребенком. Я уже видел ее очень пожилой женщиной, хотя, скорее всего, это было не так.

Уже известно, что мы, дети, не очень хорошо воспринимаем возраст: кто-то в возрасте сорока лет может показаться нам очень старым, хотя на самом деле он еще в расцвете сил Или, по крайней мере, как я выглядел в свои двадцать семь лет... каким-то очень старым в соответствии с моим прошлым «я».

Я вернусь к теме летних гроз, так как я очень их люблю Когда небо темнело, и зной, типичный для летнего времени, становился невыносимым; вместо того, чтобы купаться в бассейне, мы поднимались на чердак. Там всегда было холодно, поэтому мы ходили туда и зимой, и нам нравилось кутаться в одеяла. Оттуда мы слышали раскаты грома и треск молний, дождь барабанил по крыше. Мы рассказывали друг другу на ухо выдуманные и невозможные истории и тихо смеялись... чтобы не расстраивать маму.

Часто мы просто смотрели на дождь из маленького окна в мансарде, месте... несколько особенном. Каждая комната особняка была роскошной, современной и светлой. Однако

мансарда была темной, скромной и складом сувениров... игрушек, которые никому не были нужны. Здесь были книги, которые никто не читал. Все, что было ненужным или мешало, уходило на чердак. Вот почему мне нравилось ходить туда с Лией, потому что это было место, полное воспоминаний, а мы стремились создать их больше и были готовы отдать их ему.

Но безвозвратно прошли годы, и Лиа превратилась в часто невыносимого мятежного подростка. Я знал, что мне придется привыкнуть к идее быть одному. Уже ничто не будет таким, как раньше... детство исчезло.

Я не был против того, чтобы побыть одному... Одиночество мне понравилось; особенно, с тех пор, как я открыл для себя СКОРПИОНА, на мой взгляд, величайшего писателя всех времен.

Я очень мало знал о нем, только то, что он был почти неизвестным, загадочным автором; но с несколькими важными произведениями начала девятнадцатого века. Целая загадка... Случайная встреча с его творениями произошла как раз в тот момент, когда он был мне нужен больше всего.

Как я и говорил Лие, я никогда не чувствовал себя в своём возрасте. Я был словно не из этого мира. Было облегчением прочитать работы СКОРПИОНА, поскольку они говорили о Патрике, парне, похожем на меня. Нонконформист, который не чувствует себя отождествленным ни с чем, ни с кем из того, что его окружает, и переживает большое приключение, открывая портал во времени, с помощью которого можно отправиться в другую эпоху, которая ему соответствует, в которой он, действительно, чувствует, что нашел свое место в мире.

Родиться. Жить. Умереть. Где? Когда? Мы выбираем это? Мы хозяева своей судьбы? Именно такие вопросы я постоянно задаю себе, и именно они заставляют меня быть и чувствовать себя таким непохожим и несовместимым с остальным человечеством. Я не говорю, что я - необычное существо или что-то в этом роде. Нет, я этого не говорю... Я бы никогда не осмелился.

Я никогда не наслаждался моментом и не встречал никого особенного, с кем можно было бы поделиться новым опытом, кому можно было бы доверить воспоминания... с кем можно было бы наслаждаться жизнью. Я никогда не был влюблен. Люди всегда казались мне очень непохожими на меня. Беззаботные, эгоистичные ... особенно в подростковом возрасте.

Затем я встретил Саймона, владельца прекрасного книжного магазина в Брукине, и могу сказать, что, хотя мои отношения с ним были теплыми, я знаю, что он ценил меня. Он был хорошим парнем. Было что-то экстравагантное в его внутреннем мире. Мне нравятся такие люди, но мне как будто не хочется вникать в них глубже... на случай, если они меня разочаруют.

Моя сестра была моим миром, я хотел быть только с ней в этом мире, и, несмотря на это, был день, когда я тоже был разочарован.

- Уилл... я уважаю твой характер, —внезапно сказала она. Я, правда, уважаю его. Но ты несчастлив.

Моя сестра была права. Я не был счастлив, я давно не был счастлив. Она да, была счастлива по-своему, я думаю... она влюбилась, и я был рад за нее.

Возможно, когда-нибудь она решит познакомить меня с этим Томасом, и, возможно, мы не сможем избежать типичного соперничества между братом и зятем. Было бы трудно перестать быть самым особенным мужчиной в ее жизни, чтобы быть просто ее братом. Лиа, как обычно, пристально посмотрела на меня.

Я пытался понять, о чем она думала, и знаю, что она наверняка не вспомнит, что я хотела сказать мне дальше. Я знаю, что за этим фасадом успешного и умного адвоката все еще существовала та девушка с плохой памятью и несколько рассеянной внешностью, которая не переставала постоянно задавать вопросы.

Я посмотрел в её голубые глаза. Когда солнечный свет падал прямо в глаза, они были почти прозрачными. Говорят, что глаза-это зеркало души и если это, действительно, так, то у Лии была самая прекрасная душа в мире, даже если она еще этого не осознавала. Она любила меня, а я ее. Мы брат и сестра.

И так будет всегда, что бы ни случилось.

—Много лет назад, —начал я рассказывать,— я говорил тебе, что не нашел своего места, помнишь? Что я был таким, как будто я не принадлежал этому миру, и ты сказала мне...

Ты марсианин? Ты смеялась надо мной.

Я плохо умел маскироваться. Я думаю, она заметила, что мне все еще больно, и, как я и думал, она этого не помнила. Я увидел это по жесту, который он сделала своим ртом. Она сморщила губы, как делала тогда, когда она чего-то не помнила, когда не знала, что сказать.

- Мне очень жаль, —ответил она через некоторое время. Полагаю, пережить мои подростковые годы было нелегкой задачей... задачей, которая к тому же не принадлежала тебе. Ты действительно не представляешь, как мне жаль, Уилл.

Она отодвинула свою чашку с горячим шоколадом. Я не встречал никого, кто любил бы шоколад так сильно, как Лиа.

И снова я увидел, что чувство вины мучает ее. Чувство вины, потому что она думала, что я нес очень тяжелое бремя на протяжении всей своей жизни, когда нести его должен был не я. Она была права, но я не сожалел ни о чем из того, что сделал для неё.

Я был ее верным другом, тем, кто всегда был рядом, чтобы выслушать ее, позаботиться о ней и позаботиться о ней, когда она заболела или получила травму. Лиа всегда была свободной душой, беспокойной... но больше всего веселой. Ни за что на свете я не позволил бы этой улыбке стереться с ее прекрасного, изящного лица с идеальными женскими чертами.

Я рассказал ей о том, что я собирался поехать к маме и выставить особняк на продажу. Сначала она сопротивлялась, но не потребовалось много слов, чтобы убедить ее, что это к лучшему. Единственное, что я хотел бы забрать оттуда- это фотографии, которые мама сделала для нас из окна своей студии и о которых Лиа до сих пор не знала. Мне хотелось показать ей их, хотя время еще не пришло.

Мы попрощались поцелуем и понимающим взглядом. Я еще не осознавал, что это будет последний раз, когда я увижу свою сестру.

Так было лучше. Лучше этого не знать

Такие вещи ... это происходит, как со смертью. Иначе не осталось бы незавершенных дел или чего-то, что можно было бы сказать, но... даже зная, что Жнец придет за твоим любимым, ты ничего не можешь сделать, и простой факт, что ты знаешь и опережаешь события, может свести тебя с ума.

<http://tl.rulate.ru/book/77502/2339478>